

Курамшина Ю.В.

УДК 008.001.1

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ И ИСТОКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ П.М. БИЦИЛЛИ

Петр Михайлович Бицилли (1879 – 1953) – выдающийся русский историк–медиевист первой половины XX века, в творчестве которого тема Ренессанса занимает одно из центральных мест. В своей работе «Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса» (1927) ученый решает важную методологическую задачу – установление пространственных и временных границ Возрождения.

Целью данной статьи является попытка ввести работы П.М. Бицилли, посвященные Возрождению, в контекст современной культурологической мысли. В связи с этим, актуальной представляется постановка следующих исследовательских задач:

- показать основные подходы к проблеме происхождения Возрождения в западноевропейской и отечественной историографии первой половины XX века;
- осветить взгляды ученого на истоки Ренессанса и значение личности св. Франциска Ассизского в формировании новой культуры;
- показать позицию П.М. Бицилли в методологической полемике о происхождении Ренессанса.

В научный оборот понятие «Возрождение» ввел французский историк Жюль Мишле в своих лекциях 1842 г. в Коллеж де Франс. Продолжая традиции Просвещения, он видел в Ренессансе свет, брошенный во мрак варварского Средневековья, восстание человека против «колеса Фортуны». Тенденцию противопоставления Возрождения Средневековью продолжил немецкий историк Г. Фойгт в работе «Возрождение классической древности, или первый век гуманизма» (1859), особенно подчеркивая роль наследия античности в формировании новой культуры, придавшего последней светский характер. Позже стройную синтетическую схему эпохи дал швейцарский историк и искусствовед Якоб Буркхардт в своей книге «Культура Возрождения в Италии» (1860). Основная мысль Буркхардта заключалась в том, что Ренессанс в Италии не ограничивается возрождением классической древности и прогрессом философии, а является коренным переломом в мировоззрении и мировосприятии человека. Это новое жизненное ощущение он определяет как «индивидуализм», который наряду со светскостью и возрождением античных традиций слагает характеристику культуры Возрождения. Называя Буркхардта «автором самой гениальной книги о Ренессансе», П.М. Бицилли указывал, что ошибка историка была «не в том, что он идеализировал Ренессанс, усматривая в нем одни лишь светлые стороны, умалчивая о темных, а в том, что в Ренессансе он искал те черты, которые отвечали его собственному идеалу человека и культуры, и не интересовался теми, которые этому идеалу не соответствовали» [1, с. 4-5].

Уже в конце XIX века концепция Ренессанса как эпохи всепобеждающего индивидуализма и исторического рубежа на пути к современности подверглась активной критике. Начался так называемый «бунт медиевистов». Историки Эмиль Жебар («Начало Возрождения в Италии», 1879; «Мистическая Италия», 1890), Генрих Тоде («Франциск Ассизский и начало ренессансного искусства в Италии», 1885), Конрад Бурдах («Реформация. Ренессанс. Гуманизм», 1918) отвергли тезис о светском характере культуры Возрождения, а корни развития индивидуалистических тенденций нашли в мистицизме XII-XIII веков. Поэтому Возрождение трактовалось не как нечто новое, принципиально противостоявшее старому, Средневековью, а как продолжение того же Средневековья, причем на стадии его увядания. Позже с критикой этой позиции выступил П. М. Бицилли: «Не подлежит сомнению, что усиление мистических течений на исходе средневековья содействовало воспитанию самосознания и того, что называется чувством личности, «Ichgefühl» – как это было выяснено в последнее время рядом исследователей, особенно Бурдахом, но опять-таки: *выводить* новое мироощущение и миропонимание из средневекового, считать его прямым результатом, так сказать, имманентной эволюции последнего – значило бы без нужды упрощать историческую действительность, игнорировать действие множества сопутствующих факторов – социального, политического свойства – обусловивших собой то, что на исходе средневековья человек перестал себя чувствовать органически связанным с теми коллективами, к которым он принадлежал» [1, с. 61].

На волне медиевизации Возрождения некоторые западные историки увидели корни Ренессанса как культурной эпохи в личности Франциска Ассизского. Франциск Ассизский (1182–1226) – итальянский монах-проповедник, основавший в 1209 г. нищенствующий орден (Ordo Fratrum Minorum), создание которого ознаменовало собой новую эпоху в истории западного монашества. Франциск углубил идею бедности: из отрицательного признака отречения от мира он возвел её в положительный жизненный идеал следования примеру бедного Христа. Вместе с этим изменилось и собственно назначение монашества, на смену монаху-отшельнику пришел миссионер, который остается в мире, чтобы призывать людей к покаянию. В отличие от старого землевладельческого монашества, ученики Франциска нашли своих слушателей среди многочисленных горожан, проповедуя бедную жизнь как идеал евангельского совершенства. Через 2 года после своей смерти Франциск Ассизский был причислен папой Григорием IX к лику святых.

Учёные, работавшие в указанном русле, видели в личности святого черты нового человека ренессансного типа. Так, Ж. Мишле в середине XIX века высказал идею, согласно которой переход от

Средневековья к Возрождению угадывается в личности св. Франциска. Святой характеризуется им как человек и как поэт, «как эмоциональный и как деятельный индивид», иными словами – как двойственная личность, впитавшая в себя все социальные и политические противоречия эпохи. Австрийский историк церкви К. фон Хазе в своей работе «Святой Франциск Ассизский» (1856 г.) также отмечает черты «нового человека» в личности святого. Достаточно высоко оценивал религиозные движения в Италии, указывая на заметную роль святого в процессе секуляризации сознания и общества Г. Тоде в работе «Франциск Ассизский и начало ренессансного искусства в Италии» (1885). Он стремился выявить в личности Франциска силу и активность нового сословия эпохи – бюргеров, которые создали новые формы общественной жизни. По мнению ученого, эти изменения были связаны с вытеснением схоластики, сворачиванием движения крестоносцев, появлением первых концепций индивидуализма и новой поэзии, и в целом – новыми творческими способностями, которые нарастали в городской среде. Эту линию более подробно развили историки Ренессанса Я. Буркхардт, К. Бурдах, Дж. Жентиле, Р. Морген, Э. Гарен и др.

Таким образом, в традиции, идущей от Ж. Мишле и Я. Буркхарда, Ренессанс выступает как начало Нового времени, коренной перелом в мировоззрении людей, характерными чертами которого являются «светскость», индивидуализм и возрождение античных традиций. К этой же схеме восходит и отечественная историографическая традиция при всем разнообразии ее подходов и оценок. В противоположность этой традиции, ряд историков отрицали «революционный» характер Ренессанса, считая его продолжением Средневековья.

В статье, написанной к 700-летию со дня смерти Франциска Ассизского [2], П. М. Бицилли обосновал психологическую и историко-культурную близость святого к духу раннего Возрождения. Необходимо отметить, что францисканство как феномен и личность св. Франциска рассматриваются уже в ранних работах историка, посвященных Средневековью – «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (1916) и «Элементы средневековой культуры» (1919). В 1926 г. он опубликовал в сборнике «Българска мисъл» («Болгарская мысль») статью на болгарском языке «Св. Франциск и произходът на съвременната култура» («Св. Франциск и происхождение современной культуры»). В 1927 г. вышла работа Бицилли «Увод в изучаването на новата и най-новата история» («Введение в изучение новой и новейшей истории»), которая включает обширные примечания о святом и переходе от Средневековья к культуре Возрождения.

В отечественной историографии к личности Франциска уже обращались такие русские исследователи, как В. И. Герье, Э. К. Пименова, Е. П. Свешникова, Л. П. Карсавин, но именно П. М. Бицилли выявил у святого характерные черты ренессансного сознания: радость, восторг от переживания мира, как преображенного и просветленного; стремление охватить жизнь во всей ее полноте и при этом тенденция к «конкретности»; воля к творчеству, свободная игра творческих сил, а вовсе не «следование образцам древности»; дерзание, убеждение в осуществимости своей «virtu» (непереводимое слово того времени, означающее вместе: талант, доблесть, влечение, внутренний импульс к самовыявлению).

По мнению ученого, Франциск был истинно святым и отвечал тем двум необходимым и достаточным условиям, которыми исчерпывается понятие святости: душевная любовь к реальному миру и духовное пребывание в Царстве Небесном. Трагедия святости, считал Бицилли, состоит в необходимости «балансировать» между миром эмпирии и феноменальным миром, не забывая ни об одном из них. Если культура Средневековья пыталась разрешить ее с помощью бесчеловечного аскетизма, отвлеченного, нарочито символического изобразительного искусства, тяготения ко всему предметно-говорящему о Смерти, то Франциск первым разрешил эту задачу по-новому, не жертвуя ничем из всего богатства жизни. Он избрал для себя буквальный путь последования Христу в его земном воплощении, «разыгрывая» притчи и заповеди блаженства. Его подвиг – единый и органический *творческий* акт, благодаря которому именно Франциск открывает ряд великих ренессансных «художников своей жизни». Кроме того, он осуществляет его совершенно самостоятельно, без «посредников». Минуя ученую традицию, он восходит непосредственно «ad fontes» («к первоисточникам» – лозунг гуманистов), к Христу. «И в этом он опять-таки человек Возрождения, первый представитель Ренессанса» [2, с. 536].

Восприятие мира Франциском таково же, как и его восприятие Христа, т.е. совершенно конкретно. Это чувство конкретности служит для него источником того восторженного умиления, того поэтического восхищения, в которое приводило его созерцание тварного мира, и которое нашло себе выход в его импровизированных гимнах (например, знаменитый Гимн брату Солнцу). «Природы» в целом для святого не существует, он знает только отдельные вещи: брата Солнце, сестру Воду, брата Огонь, брата Волка, сестер Птичек. Они для Франциска не символы, а детища Божьи, создания Его. Для первого из великих францисканских философов – св. Бонавентуры – мир является творением Бога, в котором Он выразил Себя. Бог представляется ему художником, воспроизводящим себя в своем создании, воплощающим в нем свою «идею». Мы видим: францисканство и «Возрождение» в этом пункте оказываются едва ли не синонимами [2, с. 539].

Бицилли связывает Возрождение не только с личностью св. Франциска, но и с деятельностью созданного им Ордена: «явления, относимые бесспорно к «Возрождению», охватываемые именно этим термином, если проследить их генезис, оказываются имеющими свои корни в почве, взрыхленной ранним францисканством, соприкасаются с последним пространственно и временно» [2, с. 538]. По мнению историка, именно Орден стал тем лоном, где сформировался новый социальный тип, носящий на себе признаки, которые вскоре повторятся уже в характерном «человеке Ренессанса». «Живым звеном» [2, с.

538] в этом процессе стал Илия Кортонский – широко образованный человек, искусный военный инженер на службе Фридриха II Гогенштауфена, гуманист и естествоиспытатель, миссионер, дипломат, художник», в то же время личный друг святого, властно и твердо руководящий его Орденом. Этот человек «выступает перед нами во францисканской традиции с чертами типичного «homo universalis», «virtuoso» Возрождения, чертами, каким-то причудливым образом сочетающимися в нем с иными, специфически францисканскими» [2, с. 358].

Правило Ордена, предписывающее бездомность, обязанность постоянно переходить с места на место, аскеза в миру и общение с людьми, способствует выработке особого типа минорита, добровольца-дипломата, публициста, космополитического авантюриста. «Открытие мира», в смысле расширения границ известной тогда на Западе «вселенной», есть в значительной мере дело францисканских миссионеров. С середины XVIII в. францисканцы завоевывают себе прочное положение в центрах тогдашнего просвещения: в Парижском и Оксфордском университетах. У них слагается собственная философская школа – «номинализм» (Дунс Скот, Оккам). Из чисто формально-логического направления, чем он был в Средние века, номинализм под пером францисканцев превращается в настоящее мировоззрение, базирующееся на францисканском конкретном жизнеощущении, на францисканском эстетизме. «Если мы примем во внимание, что номинализм есть отражение в логике и в метафизике того самого мировоззрения, которое мы иначе обозначаем, как индивидуализм и которое мы привыкли считать сущностью Ренессанса, как определенного культурного момента, то мы будем принуждены сделать заключение, что францисканство с его философией есть неотъемлемая, органическая часть культуры Возрождения» [2, с. 540].

С точки зрения «духа», «гения» Культуры весьма показательно для Бицилли то, что авторы трех величайших созданий новой европейской литературы – «Божественной комедии», «Пантагрюэля», «Дон Кихота» – были францисканцами. Так, Данте, в молодости вступивший в Третий чин миноритов («чин» братьев-мирян), создал мистерию «паломничества духа к Богу» («Itinerarium mentis ad Deum» – мистический трактат Бонавентуры) в найденной им новой форме лирического эпоса. Сервантес, прославивший Господу Бедность и Смирение в романе о последнем странствующем рыцаре, сам под старость вступает в Третий чин Францисканского Ордена. Членом ордена был и Рабле, автор книги, «представляющей собой, быть может, самое грандиозное усилие индивидуализировать язык, так чтобы иметь возможность буквально всякую вещь назвать ее собственным именем» [2, с. 542].

Рассматривая вопрос о сущности и происхождении европейской культуры Нового времени, касается Бицилли и пространственных границ Возрождения. По его мнению, оно не ограничивается католическо-романским миром, а находит свое продолжение в протестантской струе квакерства, баптизма и методизма, «оптимистической, любвеобильной, широкотерпимой, отрицающей «предопределение», утверждающей «святость каждой совести» [2, с. 543]. Историк связывает с этими религиозно-нравственными «возрождениями» такие явления в англосаксонской общественно-политической жизни, как движение «леллелеров», английский радикализм, аболиционизм в Америке. «И достаточно хоть немного ознакомиться с биографиями Джона Фокса или Уэсли, чтобы ясно увидеть, что в этих «подвижниках в миру» возродился дух ассизского Poverello» [2, с. 543].

Таким образом, заключает историк, «культура Новой Европы – это культура Возрождения», которое «в свернутом виде» уже дано в личности св. Франциска Ассизского. О начале новой эпохи ничего не знали в тот момент, когда она началась. Св. Франциск не думал ни о каком «возрождении», не искал нового пути к Богу. Не смея сопричаститься Славы Христовой, он дерзнул сопричаститься Его уничижению, нищете и бесприютности. «Последовательно суживая поле своих созерцаний, он в конце концов зафиксировал свой взор на одном лишь предмете – на язвах Христовых. И вот Серафим предстал ему и пронзил пятью лучами его тело, и на его ладонях, на ступнях и на боку зажглись пять кровоточащих ран. Больше ничего не было, и это было начало Возрождения» [2, с. 545].

Итак, в отличие от предшествующей историографии, П.М. Бицилли подходит к построению синтетического образа эпохи с позиций исторической психологии, что позволяет ему отойти от рассмотрения Возрождения в рамках формулы «светскость – индивидуализм – античные традиции». Полемизируя с историками, стоявшими на позиции утверждения радикального разрыва Возрождения со Средними веками, ученый отмечает начало формирования некоторых характерных черт Ренессанса в личности св. Франциска Ассизского и в традициях францисканского движения. С другой стороны, и само позднее Средневековье выступает здесь не как «темное», «мрачное» время, но как «очень высокая, очень тонкая, очень «ученая» и сложная культура» [2, с. 546].

Источники и литература

1. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры / П. М. Бицилли. – СПб.: Мифрил, 1996. – С. 3-170.
2. Бицилли П. М. Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226-1926) / П. М. Бицилли // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Составитель Ф. Б. Успенский, ответственный редактор М. А. Юсим. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – С. 533-549.